

фантастическая
история

Цикл

«Лал — камень любви»

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА
НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОЛКОВОДЦЕМ
ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА

Цикл

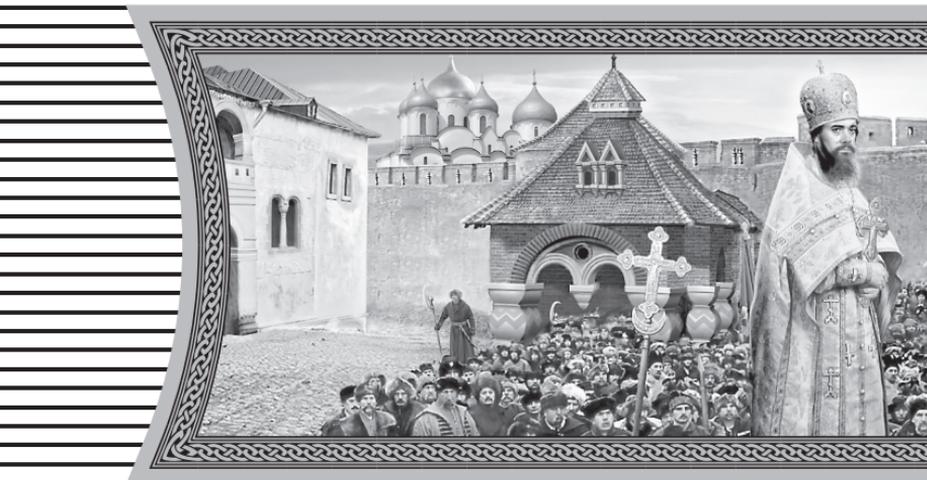
«Эффект стрекозы»

НАЙТИ СЕБЯ
ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО?
ПРАВДИВЫЙ ЛОЖЬЮ
ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ
ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ
БИТВЫ ЗА КОРОНУ. ПРЕКРАСНАЯ ПОЛЯЧКА

Цикл

«Обреченный век»

КНЯЖЬЯ ДОЛЯ
КРЕСТ И ПОСОХ
ОКО МАРЕНЫ
ЗНАК НЕБЕС

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Валерий Елманов

Битвы за корону.
Прекрасная полячка

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Е46

Серия основана в 2010 году
Выпуск 81

Елманов В. И.

Е46 Битвы за корону. Прекрасная полячка: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 442 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1560-1

Чем выше взбираешься по ступеням власти, тем более одиноким ты становишься. Это хорошо прочувствовал на себе попавший в далекое прошлое Руси Федор Россошанский, став правой рукой юного царевича Годунова.

Вроде бы гибель государя Дмитрия должна облегчить задачу надеть на сына царя Бориса шапку Мономаха, но не тут-то было. Жива Марина Мнишек — венчанная царица всяя Руси. И чтобы добиться единоличной власти, тайная католичка не гнушается ничем. Например, во всеуслышание объявила, что носит под сердцем царское дитя. Правда, на самом деле она вовсе не беременна, но... Неужто не найдется человек, который поможет ей в этом? Честолюбивая вдова готова пойти и на откровенное предательство. И вот уже летит от нее к королю Сигизмунду, пославшему на Русь свои рати, тайный гонец. А у выступившего навстречу полякам Россошанского сил и без того немного: два стрелечьих полка и верные гвардейцы...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Елманов В. И., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1560-1

Пролог
ТЯЖКИЙ ВЫБОР

Пророчица сидела подле, вперившись в меня тяжелым взглядом. Мне по-прежнему не удавалось пошевелиться, тело словно окаменело. Силясь скинуть с себя странное оцепенение, я напрягся что есть мочи, но... бесполезно. А секундой позже и она сама подтвердила:

— Не тужься понапрасну.

Глаза ее ярко светились во мраке ночи. В зрачках полыхало кроваво-красное зарево. Но это были не отблески костра, разведенного моими гвардейцами, — тот оставался за ее спиной. И тишина кругом. Все застыло, замерло, затаившись от страха. Одни звезды продолжали беспечно кружиться над головой, да и то... В обычное время они перемещались по небу еле заметно, а тут буквально плыли по кругу друг за другом, словно облака при сильном ветре. Лишь одна, и тоже кроваво-красная, точь-в-точь как огонь в зрачках старухи, вперившейся в меня, оставалась неподвижной, застыв в самом центре кружащегося вокруг нее хоровода.

— Не о том думаешь, — поторопила она меня. — Ты до сих пор не выбрал, а времени все меньше и меньше. Решайся, да поскорее, не то мне не успеть.

Она не лгала — я знал, действительно хотела мне помочь. Но за помощь она назначила чересчур дорогую плату, и я никак не мог сделать выбор между своими гвардейцами. Как назло, передо мной лежали, безмятежно сопя или похрапывая, лучшие из лучших.

— Не могу, — выдавил я.

— Тогда...

Она не договорила, но я и без того знал, что будет тогда. Плохо. Очень плохо. Хуже некуда. И не одному мне, но и двум самым близким мне людям, одного из которых я сейчас мог спасти. Гвардеец — цена. Честная сделка, ничего не скажешь — жизнь за жизнь. Ах да, про себя забыл. Тогда вообще

выгода. Почти как в рекламе. Правда, там два в одном, а у меня один за двоих. Но вначале предстояло выбрать этого одного, а я не мог.

— Так кто? Стременной?

— Нет! — торопливо выпалил я. — Мы с ним огонь и воду прошли. Он для меня... Нет, только не он.

— Тогда кто?

А действительно, кто? Вон с теми я плечом к плечу отбивался на волжском берегу, а чуть позже стоя на струге. Рядом спят те, кто стоял насмерть в Москве в бою со шляхтичами, подле них...

— Еще немного, и станет поздно, — предупредила ведьма.

Я до крови прикусил губу, заставляя себя поторопиться, и... проснулся.

«Приснится же такое», — облегченно вздохнув, улыбнулся я и... поморщился от боли в нижней губе. Осторожно потрогал ее — больно. Поднес пальцы поближе к горящей свече — в крови. Получается, кошмар кошмаром, а тяпнул-то я себя всерьез.

Интересно, какой такой страшный выбор мне предстоял, если я столь панически бежал от него из своего сна? Я нахмурился, вспоминая, но с удивлением обнаружил, что припомнить у меня не получается. Детали — да, но несущественные и ни о чем не говорящие. Да и лица ведьмы не мог припомнить — одни глаза и зрачки, горящие багрово-красным.

«Ну и бог с ним, с этим кошмаром, — сделал я глубоко-мысленный вывод, черпая ковшиком квасок из братины, стоящей в моей опочивальне. С наслаждением допив содержимое ковшика, я потянулся и... застыл, припомнив, что, по моим прикидкам, именно сегодня в Москве должно произойти убийство Дмитрия. Получалось, мой кошмар — не совсем чушь, а, скорее, отголосок неких сомнений.

Странно, ведь на самом деле наяву я свой выбор сделал накануне. Или у меня остались колебания? Да нет, едва царь сознался, что после завоевания Речи Посполитой займется введением церковной унии на Руси, я понял: мешать его убийцам нежелательно. Пускай лучше погибнет один, чем позже вся страна утонет в крови.

Тогда почему сейчас?.. Я потер лоб, пытаюсь вспомнить лицо пророчицы, но не смог. Немудрено. Грязные, спутанные космы волос закрывали его чуть ли не наполовину.

«Ладно, — отмахнулся я. — Сон, он и есть сон. Лет через пятьдесят займусь их разгадыванием, а нынче не до того...» —

И я принялся одеваться, не забыв посмотреть на горящую свечу, стоящую в небольшом поставце.

Странно, судя по ее высоте, убавившейся от силы на пару сантиметров, спал я совсем недолго, максимум полчаса. Часы в кабинете подтвердили мое предположение. Половина шестого — для заутрени и то рано. Мелькнула мысль поваляться немного в постели, но голова на удивление свежая, а значит, ни к чему. Лучше лишний разок все прикинуть, взвесить и... приступать к утреннему омовению.

Глава 1 ПЕРЕД ПЕРЕВОРОТОМ

— Что день грядущий нам готовит? — промурлыкал я себе под нос, плюхнувшись за стол, и сам ответил на этот вопрос: «А готовит он нам убийство царя Дмитрия», но сразу осадил себя, укоризненно заметив: «Не факт». Да, в той, официальной истории его действительно завалили бояре, а в нынешней, после того как я по нелепой случайности угодил в это время и теперь вся история Руси пошла вразнос, может случиться всякое...

Поначалу мое появление здесь в начале семнадцатого века (если быть точным, то где-то в январе 1604 года), равно как и мои первые действия, мало что могло изменить в грядущих событиях. Подумаешь, выручил жителей какой-то крохотной деревни, не дав им помереть от голода.

Дальше в общем-то тоже ерунда, включая спасенного от смерти с моей подачи Марьей Петровной и волхвом Световидом Квентина Дугласа, приглашенного из Шотландии, дабы преподавать уроки танцев царевичу Федору Годунову. Сам по себе этот паренек навряд ли мог привнести в грядущее какие-либо серьезные изменения, но именно его появление в моей жизни и послужило катализатором остальных событий.

Сперва малых. Жить-то на что-то надо, и я попросил Квентина посоветовать царевичу взять в учителя и меня, благо имел за плечами философский факультет МГУ. Дуглас поначалу усомнился в знатности моего происхождения. Пришлось поведать историю о подло убитом шотландском короле Дункане, пересказав трагедию Шекспира «Макбет» и пояснив, что сей король — мой далекий предок. Мол, позже один из сыновей Дункана выехал в Италию да там и осел. Вот так я и стал в одночасье князем Мак-Альпином, как, оказывается, именовали ту королевскую династию.

Однако царь Борис Федорович с первой встречи заподозрил во мне сына князя Константина Монтекки, или, как сам

государь называл его, Монтекова. Да и как не заподозрить, когда мое лицо — копия дядькиного, а тот, попав в средневековую Москву, но намного раньше, чуть ли не на три с половиной десятка лет, успел познакомиться с юным Годуновым и даже гульнуть у него на свадьбе.

Я не хотел признаваться в своем родстве, невзирая на то что у Бориса Федоровича остались о дяде Косте самые прекрасные воспоминания. Слишком сильно во мне горело желание добиться всего самому, без протекции. И без того мне в память о дядьке оказывали помощь именно его давние знакомые: бывшая ведьма Светозара, ставшая травницей, волхв Световид, сын купца Ицхака Барух... Должен же я хоть немного добиться сам.

Увы, жизнь внесла свои коррективы. Дело в том, что Квентин по уши втюрился в царевну Ксению, хотя ни разу и не видел ее. Да-да, бывает и такое. И, узнав об отправке Годуновым посольства на Кавказ с задачей найти невесту для сына и жениха для своей дочери, пошел напролом, заявив царю, будто он — сын английского короля Якова, недавно сменившего Елизавету I. Пришлось спасать дурака и пойти на признание.

Но и после того как я «расколослся» перед государем, что являюсь сыном князя Монтекова, особо больших изменений в истории ожидать не приходилось. Но дальше... За время своего учительства я искренне привязался к младшему Годунову. Поверьте, подросток этого заслуживал, будучи умницей, каких мало. Историю я знал не ахти, в школьных рамках, но о Лжедмитрии I, из-за которого спустя всего год суждено погибнуть пареньку, мне было известно. И первая моя идея, на которую я уговорил старшего Годунова, — создание особого полка, высокопарно поименованного мною Стражей Верных.

В него я напиринимал всех желающих от шестнадцати до двадцати лет. Были и моложе — поди узнай, сколько ему. Мой расчет основывался на том, что эти парни, в отличие от бояр, не оставят царевича в беде. Иностранцы учили их правильно держать строй, бывалые стрельцы — меткой стрельбе, умению метать ножи. Отличалось у Стражи Верных и вооружение — на пищалях штыки, за правым плечом арбалет, в каждом голенище по метательному ножу. А вдобавок я создал и особую сотню, спеназовскую, взявшись обучать наиболее способных приемам, освоенными мною за время собственной службы в десанте.

Впрочем, и это навряд ли могло внести какие-то радикальные изменения в грядущие события. Да и мое тайное рассле-

дование, проведенное по поручению Бориса Федоровича в Угличе, тоже нельзя считать особым вмешательством в историю. Ну и толку с того, что мне удалось выяснить, кто скрывается под маской младшего сына Иоанна Грозного? Подумаешь, Дмитрий оказался на самом деле не Отрепьевым, а незаконнорожденным первенцем боярина Федора Романова. Хотя к Отрепьевым отношение он имел — его мать, Соломония Шестова, действительно доводилась двоюродной сестрой Богдану Отрепьеву. Но какое это имеет значение, коль народ, включая самого самозванца, искренне верил, будто тот — истинный сын Ивана Грозного?

Но, вернувшись из Углича, я узнал о прибытии послов из Англии, сообщивших Борису Федоровичу, что Квентин — никакой не королевич, и Годунов рассвирепел. Казнить он Дугласа не стал, но толку. Он же пообещал послам передать несчастного влюбленного для последующей расправы, а как карают в цивилизованной Европе за оскорбление короля, я, со слов шотландца, знал. Его подвергают сразу и повешению, и четвертованию, и раздиранию на части лошаадьми.

Потому-то я и изобрел благовидный предлог для спасения Квентина, предложив царю, что сам поеду к самозванцу и соберу достоверные сведения о том, как тот во время пребывания в Речи Посполитой тайно перешел в католическую веру. Тогда, дескать, народ сам от него отвернется. Ну а во избежание подозрений в отношении меня нужен весомый предлог для побега. И таковой имеется, если я убегу, якобы спасая своего товарища-иноземца.

Мой расчет был убить одним выстрелом двух зайцев: спасти шотландца, а заодно уболтать новоявленного претендента на корону бежать куда подальше за границу, профинансировав его проживание за счет царя. Бориса Федоровича я надеялся уговорить позднее. Государь поначалу согласился, но пришла весть о победе царских войск под Добрыничами, и он отверг мою идею. Пришлось самостоятельно организовывать побег Дугласа из-под стражи. Вместе с ним я и прибыл в Путивль, где Дмитрий отсиживался после своего поражения.

Увы, войти к Дмитрию в доверие до смерти старшего Годунова я успел, а вот убедить его бежать — нет. Единственное достижение — удалось уговорить его написать грамоту царевичу Федору, в которой он обещал сделать младшего Годунова своим наследником и престололюбостителем, если тот распахнет перед ним ворота столицы. Под благовидным предлогом передачи его послания я отправился в Москву, рассчитывая

успеть заручиться поддержкой полка Стражи Верных, благо что к тому времени успел обучить их многому. Однако стоило мне прибыть в полк, как за мной установили слежку люди Семена Годунова — ближайшего царского советника, опасавшегося конкуренции с моей стороны. Он-то, пользуясь своей властью, улучив момент, сунул меня в тюрьму.

Просидел я в ней чуть ли не месяц, потеряв время, столь необходимое для принятия мер по защите семьи Федора. Освободили меня оттуда москвичи и... казаки, которые отвезли обратно к Дмитрию, стоящему уже под Серпуховом. Вернувшись к новоиспеченному царю, я понял, что миловать младшего Годунова тот не намерен. Сказалось нашептывание бояр, прибывших на поклон к новому государю.

Я ухитрился сбежать. Расправу над Годуновым и его матерью мне удалось предотвратить в самый последний момент, да и то не полностью — всего-навсего оттянуть ее. Но когда я настраивался принять последний и решительный бой, подоспел на выручку заранее предупрежденный мною полк Стражи Верных. А еще в тот день я впервые увидел царевну Ксению и... влюбился.

Спасти-то Федора получилось, но Русь к тому времени чуть ли не полностью перешла на сторону новоявленного претендента на престол. Годунов по моему настоянию добровольно отступился от царской короны. Правда, теперь он имел определенные гарантии — пригодилось письмо Дмитрия. В день покушения на Федора я торжественно огласил его с Царского места, расположенного близ Фроловских ворот на Пожаре¹. Согласно ему получалось, что бояре переусердствовали, и москвичи, облегченно вздохнув (самим стало не по себе, когда увидели, как идут убивать царскую семью), по собственному почину растерзали виновных.

Сохранение двух жизней — юного Годунова и его матери Марии Григорьевны — стало первым крупномасштабным изменением в истории России. Дальнейшие события понеслись по нарастающей. В немалой степени популярности Федору, пока он правил в Москве в ожидании Дмитрия, прибавили и его суды, которые он вершил как престололюблуститель. Не скрою, я помогал, но исключительно в предварительной работе.

А тут и радость — вернулся из дальних странствий Алеха. Бывший детдомовец угодил в это время даже чуть раньше ме-

---

¹ Царское место ныне известно как Лобное, Фроловские ворота — ныне Спасские, Пожар — Красная площадь.

ня, и я пристроил его к делу. Борис Федорович Годунов весьма заинтересовался заморскими овощами, о которых я ему рассказал, и мне удалось уговорить его отправить за ними Алеху. Ну и заодно за художниками и разными умельцами-мастерами.

Тот успешно справился со всеми поручениями, привезя и людей и семена. Были там семена помидоров, кукурузы, подсолнухов, но главное — картофельные клубни. А на Руси появились английский философ Фрэнсис Бэкон, предназначенный в качестве учителя философии для царевича, художники Рубенс, Хальс, Снейдерс и большущий любитель выпить итальянец Микеланджело. Нет, не Буонарроти, а другой, Меризи да Караваджо, но тоже очень талантливый. Привез Алеха и множество мастеров, включая стеклодувов, и три подзорные трубы.

Однако пришло время уезжать в Кострому, которую Дмитрий отвел Федору для его проживания. И новая проблема. Государь вознамерился оставить в столице сестру и мать моего ученика. Якобы как заложниц, но на самом деле он явно положил глаз на Ксению. Мне удалось незаметно подменить ее другой девушкой, а когда Дмитрий разобрался, оказалось поздно — царевна на струге вместе со мной плыла к Костроме.

Приключений по пути хватало, пришлось даже возвращаться в Москву, но подробности расписывать не стану. Скажу кратко — выжил и царевну уберег. Более того, я успел объяснить ей в любви, а она мне. Правда, Дмитрий вынудил меня дать обещание, что без его согласия царевна ни за кого не выйдет замуж, и взял слово в следующем году возглавить его войско для захвата Ливонии.

В Костроме скучать не приходилось. Хватало и неотложных дел, и работы на перспективу — ставил первые на Руси фабрики по производству стекла и мастерскую по валянию валенок, которые, оказывается, здесь тоже пока не были известны. Ну и проекты указов, над которыми я немало потрудился вместе с Фрэнсисом Бэконом. Дело в том, что по моему замыслу принять их надлежало именно Дмитрию. Пускай он станет вроде ледокола, взламывающего вековые устои Руси, дабы к моменту, когда его грохнут бояре, основные новшества оказались бы принятыми им. Тогда впоследствии никто из приверженцев старых устоев не сможет обвинить в нововведениях моего ученика.

Работал я старательно, и, когда царь заглянул к нам с Федором в Кострому, я вывалил ему на подпись кучу заготовлен-

ных проектов указов. Пришлось попотеть, пока сумел убедить государя в их важности и нужности, но овчинка стоила выделки. Достаточно упомянуть создание действующего на постоянной основе Освященного Земского собора всея Руси, которому Дмитрий по моему настоянию дал уйму прав вплоть до выборов нового царя в случае пресечения прежней династии. По сути, это был поворот к конституционной монархии. Да и Великой хартии, как я ее мысленно называл ее, тоже цена на вес золота. На самом-то деле называлась она иначе: «О даровании вольностей народу российскому», но какая разница. Главное — содержание. Впервые царь гарантировал своим подданным их права. Небольшие, но главное — гарантировал. Итог: зарождающемуся самодержавию на Руси не бывать.

А когда я с Федором Борисовичем по настоянию Дмитрия этой зимой завоевал у шведов всю принадлежавшую им Эстляндию, попутно захватив и пяток городов у поляков, стало окончательно ясно — предугадать что-либо из грядущего не дано никому. Между прочим, брал ее исключительно один-единственный полк Стражи Верных, переименованный мною в Первый гвардейский. Нет, в захваченных городах все гарнизоны состояли из московских стрельцов, но они приходили позже, после их взятия.

Правда, официально полк, захвативший Эстляндию и часть Лифляндии, действовал на стороне королевы Ливонии Марии Владимировны. Последняя из рода Рюриковичей, будучи двоюродной племянницей царя Ивана Грозного, похоронив своего мужа Магнуса, влачила жалкое существование в монастыре. Но я уговорил ее сменить рясу на корону, и она написала прошение на имя патриарха Игнатия, утверждая, что постриг совершен насильно. Игнатий, послушный Дмитрию, благословил чудесное преобразование монахини в королеву. Она-то якобы и «повоевала» мужнее наследство, незамедлительно «поклонившись своими землями и градами» императору Руси и попросив принять ее под свое покровительство.

Да и Марина Мнишек не медлила до весны, как в официальной истории. Благодаря парочке уловок, подсказанных мною Дмитрию, ее батюшка, опасаясь, что брак царя с его дочерью может вовсе расстроиться, рванул в Москву столь стремительно, что свадьбу они сыграли прямо перед Великим постом, в середине февраля. Поприсутствовать на гуляньях мы с Годуновым из-за боевых действий в Прибалтике не успели, но зато мне, выехавшему налегке и прибывшему в Москву на не-

сколько дней раньше Федора, удалось выяснить кое-что важное.

Вообще-то цель моего раннего приезда была иной — организация торжественной встречи престололюбителя, дабы Дмитрий отметил его заслуги по достоинству. Про заговор против царя я узнал попутно, да и то вскользь, самые общие сведения. Кто именно примет участие в предстоящем перевороте и какие силы у заговорщиков, мне выяснить не удалось, да и когда намечено их выступление, я узнал в самый последний момент.

Дело в том, что бояре, справедливо опасаясь нас с Годуновым как людей, лояльных к царю и располагающих реальной силой, способной воспрепятствовать их планам, решили еще до покушения на Дмитрия убить нас обоих. И не просто убить, но и обыграть все таким образом, будто сам государь, ревнуя к славе юного Федора Борисовича, подговорил меня на черное дело. Ну а дальше, мол, вмешались люди бояр, но подоспели слишком поздно, и захватить живым князя Мак-Альпина не вышло — погиб.

Место для своего нападения они не выбирали — я это сделал за них, специально подставившись и решив, что старые казармы моего гвардейского полка, расположенные недалеко от села Тонинского, которое именовали Царским, самое то. Роль Годунова сыграл похожий на него ратник Емеля.

Словом, ратные холопы бояр напали на нас и были перебиты, а я в тот же вечер отправился в Москву докладывать государю о происшедшем. Прежде чем выехать, я изрядно колебался. Может, лучше оставить как есть? Куда как удобно — заговорщики убивают царя, и тут мы их, голубчиков, цап-царап. В результате освободившийся престол занимает Годунов. Задом, действуя по старой схеме, использованной прошлым летом во время покушения на Федора, можно ликвидировать и наиболее опасных бояр, злодейски лишивших жизни «красное солнышко».

И все-таки после долгих колебаний я отказался промолчать, хотя и не питал к Дмитрию особо нежных чувств. Да и за что? Достаточно сказать, что он трижды засовывал меня в темницу, и, если бы не моя изворотливость, все закончилось бы казнью. Но, как ни крути, с моей стороны такое умолчание равнялось косвенному предательству. С Годуновым бы посоветоваться — согласен ли он заплатить такую цену за престол, но увы. Прибывший накануне из Прибалтики Федор сидел в моей подмосковной деревеньке Кологрив и послушно ждал

новостей. Я же находился в противоположной стороне от Москвы, на северо-востоке, и добираться до него некогда. Предстояло решать за двоих, и я понял, что не смогу пойти на такую подлость.

Но, прибыв в Москву с докладом, я неожиданно выяснил у разоткровенничавшегося Дмитрия, зачем ему понадобилось столь спешно завоевывать Прибалтику. Оказывается, у государя весьма обширные планы, в которые входит захват власти в Речи Посполитой, а затем война с Крымским ханством, за спиной которого стояла Османская империя, пребывающая в самом расцвете своей мощи. Уже от одного этого мне стало не по себе. Мои доводы — почему не стоит садиться на ляшский трон, нынче из-за шляхетских вольностей больше похожий на убогую колченогую табуретку, да и веры у подданных разные — Дмитрий отмел. Мол, он введет на Руси унию.

Сообщение о ней меня добило окончательно, и я и решил ничего не говорить ему о заговоре. Судя по грандиозным планам, царь-батюшка попросту зарвался, и, когда дело дойдет до введения унии, в любом случае грядет мятеж. А учитывая, что Дмитрий так просто не сдастся, крови прольется куда больше, чем во время заговора. Нет уж, коли он перестал отличать реальность от радужных мечтаний, я ему не помощник, не заступник и не защитник.

Словом, служил бы верой, да узнал всю правду, и, когда он обратился ко мне с вопросом, что мне известно о заговоре, я почти честно ответил: «Очень мало. Точный час выступления не ведаю, кто в нем участвует и какие силы у заговорщиков — понятия не имею. Однако предупредить счел своим долгом». И больше ни слова. Когда вожак ведет табун в пропасть, иного выхода, как пристрелить его, не остается.

Но убить — одно, а воспользоваться плодами мятежа заговорщикам давать нельзя. Следовательно, едва они прикончат Дмитрия, надо подоспеть со своими людьми и вырезать всю боярскую верхушку, включая Шуйских, Голицыных, Шереметевых, Романовых, Мстиславского и прочих, дабы новый юный царь мог править спокойно.

Вернувшись в терем, подаренный мне Федором Годуновым, я отдал распоряжение своим людям готовиться к завтрашнему дню, но говорить напрямую ничего им не стал. Мол, сердце чувствует: грядут завтра некие события, в которых кровушки прольется будь здоров. И чтоб проливалась в основном чужая, вражья, лучше быть начеку, а для этого каждому надлежит

проверить исправность своего оружия, включая порох — не отсырел ли, пополнить запас арбалетных болтов, и так далее.

Людей в моем распоряжении имелось немного, всего полторы сотни, потому следовало расставить их таким образом, чтоб ни один «кот», охотящийся за мышонком Дмитрием, из числа самых крупных, с боярским окрасом, завтра не ускользнул. Большую часть (сотню с лишним) я оставил на своем подворье, отправив их спать. Меньшей — пяти десяткам во главе с сотником Микитой Голованом — предстояло провести ночь в Запасном дворце, принадлежавшем Годунову.

Микиту я предупредил, но частично. Мол, сердце вещует, завтра поутру бояре, скорее всего, не просто придут жаловаться на меня государю. Сдается, они, распалившись, затеют что-то недоброе в отношении самого Дмитрия. Голован понимающе кивнул и лишних вопросов не задавал, уточнив, когда ему выдвигаться к моему подворью.

— Едва услышишь наш первый залп, — ответил я. — Но помни, не выстрелы, а именно залп. И выходить тебе из дворца надо не к подворью, а тайным ходом через Сретенский собор на передний царский двор. Проход там заложен, но я сам проследил, чтоб и раствор был жидкий, и кладка хлипкая, в один кирпич. Потому нынче же отряди ребят, и пусть они перед сном тихонько там все разберут. Завтра вы выскочите оттуда, и тогда у нас получатся клещи. Возможно, они и не понадобятся, но вдруг...

На клещах я и основывал свой расчет. На них да на эффекте неожиданности (жив, оказывается, князь Мак-Альпин) вкупе с хорошей боевой выучкой и организованностью. Ну и на небольшое количество мятежников. Учитывая любовь простых людей к Дмитрию, в заговор не может быть вовлечено много народу. Помнится, довелось мне читать у историков, что их насчитывалось всего-то две-три сотни. Почему-то эта цифра мне хорошо запомнилась. А учитывая более раннее начало мятежа (зима, а не весна), нежели в той, официальной истории, не исключено, что их окажется еще меньше. Хотя о чем я — гораздо меньше. Вон сколько их ратных холопов положили под старыми казармами мои гвардейцы, целую сотню. А потому завтрашнее дело представлялось мне не больно-то сложным.

Из-за этого я и не послал гонцов за остальными гвардейцами, пребывавшими вместе с Годуновым в Кологриве. Да и время не позволяло — слишком мало его осталось. Командиры стрелецких полков — иное дело, но я не мог предупредить

и их. Правду-то не сообщишь, нельзя, ибо тогда у них возникнет логичный вопрос: а почему я не поведал обо всем самому царю? Сказать, как Головану, сердце недоброе вещует? Такого хватило для моего сотника, верившего мне на все сто, а для стрелецких командиров маловато.

«Да ладно, сам управлюсь», — беззаботно отмахнулся я. Куда хуже то, что мне никак не удавалось рассчитать нужное время выступления своих людей. А ведь требовалось попасть в самую точку — застать заговорщиков, пока они не разбрелись, но успели сотворить свое черное дело с Дмитрием. А предугадать время убийства нечего и думать. Неизвестно, насколько задержат мятежников наемные царские телохранители, куда метнется, спасаясь от убийц, сам государь и как долго будут его искать. Получалось, для правильного решения задачи, имеющей такое количество иксов, необходимо их резко поубавить. Следовательно, нужен наблюдатель, который, вернувшись, доложит о происходящем.

На эту роль вполне годился Дубец, но и ему нельзя было сообщать ничего лишнего. В самом деле, то я внушаю всем гвардейцам, что государь первый после бога¹, а тут сижу и жду, когда его начнут убивать. И что станет обо мне думать мой стремениной? А потому пришлось поломать голову над тем, как грамотно поставить ему задачу, дабы и не выдать своих истинных намерений, и в то же время чтоб он не вернулся раньше времени обратно, тем самым вынудив выступать на выручку Дмитрию. Лишь покончив со всем этим, я направился в опочивальню, вознамерившись поспать часик-полтора — день предстоял тяжелый. Тогда-то мне и приснился этот сон. Станный, загадочный и... страшный.

Выбор... Что за выбор? Почему жертва, да еще человеческая? Нет, я уважал наших славянских богов и не возражал, когда моя ключница Марья Петровна пару раз призывала их мне на помощь, особенно бога удачи Авосья. Но насколько мне помнилось, о кровавых жертвоприношениях и речи не заходило. Они ж добрые. Если судить по Библии, пожалуй, куда добрее бога-отца. Тогда кому и зачем?

Брр! Я потряс головой, пытаясь выкинуть сновидение из головы, и, дабы отвлечься, уставился на напольные часы, сто-

---

¹ Чтобы соблюсти равноправие с остальными богами, включая славянских — ведь не пишем же мы Бог Перун, Бог Авось, Богиня Макошь, — здесь и далее к словам «бог», «господь», «всевышний», «богородица» и тому подобным автор посчитал справедливым применить правила прежнего советского правописания.

ящие в уголке кабинета, на увесистых ножках из слоновой кости. Их вид меня почему-то всегда успокаивал. Возможно, это происходило потому, что они как бы олицетворяли некую связь между мной и родным для меня двадцать первым веком. Все остальное было чужим, а эти ничем не отличались от каких-нибудь деревенских ходиков бабы Мани. Да, гораздо красивее, да и дороже во сто крат: слоновая кость, резные фигурки, сплошь и рядом серебро, но принципиальных отличий не имелось. Привезенные по моей просьбе из Европы купцом Барухом (но уже за деньги, в отличие от первых, что он мне подарил и которые остались в Костроме), они тоже имели двенадцать, а не семнадцать делений, и римские цифры, а не буквы, как тут принято.

Тик-так, тик-так — весело раскидывал маятник секунды, словно опытный банкомет карты — влево-вправо, влево-вправо, навевая покой на сердце и надежду, что у меня в очередной раз все получится, как надо. Кажется, помогло. Прочь ушли и тревожные воспоминания о страшном загадочном кошмаре, приснившемся мне, и сомнения в правильности моих действий. Да и, судя по стрелкам, пора переходить к водным процедурам. Недолго думая я снял с дежурства у ворот одного из трех караульных — все равно периодически бегают греться в караулку, для того и поставил третьего — и потащил с собой, чтоб помог принять душ.

Вода, которой он меня поливал, была ледяной, зато бодрила. Я стойчески выдержал первый ковш, второй, третий, пятый, а на восьмом вздрогнул от неожиданно раздавшегося колокольного перезвона.

— Час вроде неурочный, — удивленно заметил поливавший меня гвардеец. — Рановато к заутрене-то. Да и сам звон какой-то не такой.

«Началось...» — понял я.

Глава 2 НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Неспешно одевшись, я вышел на крыльцо и убедился, что звон церковных колоколов и впрямь весьма и весьма отличается от обычного. Какой там призыв к молитве — скорее набат. Интересно, если патриарх Игнатий не связан с заговорщиками, а это вне всяких сомнений, кто мог отдать такую команду звонарям?

Прислушался. Точно, звон шел со стороны одной из церквей, что на Ильинке. Кажется, той, что возле Гостиного двора. Позже не забыть бы разобраться с тамошним священником, дьяконом и звонарем. Но тут ему стали вторить колокола на других церквях, и тоже набатом. Значит, одним священником или звонарем дело не ограничилось. Ну и ладно, этих мы всегда успеем взять за шиворот, а вначале нужно разобраться с главными заводилами. Но первым делом Дубец.

Пока бесцеремонно разбуженный мною парень торопливо одевался, влетел караульный с дозорной вышки, построенной по моему распоряжению где-то с пару месяцев назад Багульником. Он сообщил, что ворота Кремля открылись и через них к царским палатам валом валит толпа, возглавляемая двумя десятками конных бояр. Теперь окончательно ясно: началось. К сожалению, разглядеть — уж больно метет на улице — гвардеец сумел только братьев Голицыных и Шуйских, но мне хватило. Смутило, правда, число мятежников. По прикидкам караульного, не меньше пяти сотен.

— Слышал? — спросил я Дубца.

Тот молча кивнул.

— Понял, что оно значит?

Дубец потряс головой, по-прежнему не говоря ни слова.

— Скорее всего, до них долетела весточка о вчерашнем побоище, которое мы учинили их людям, — пояснил я. — Теперь они ринулись с жалобой к государю. Посему дожись, когда они встретятся с Дмитрием, и выслушай, в чем меня станут виноватить. Обратишь внимание не раньше чем услышишь ответ государя. И боже тебя упаси во что-нибудь встревать, — напоследок особо подчеркнул я.

Дубец торопливо закивал головой и упорхнул.

Так, теперь Годунов. Когда я закончу, нужно, чтобы он со всеми остальными гвардейцами находился на подъезде к Москве. Хорошо, что я вчера распорядился прихватить с собой в Москву тех «монахов» из числа тайных спецназовцев, которые помогали мне выследить ратных боярских холопов. Не всех — кто-то оставался в Бибиреве, кто-то в Медведкове, — но четверых, находившихся в старых казармах, я взял, опасаясь, чтобы их не запомнил в лицо кто-нибудь из раненых врагов. Что ж, весьма кстати. А еще лучше, что Обетник и Догад, возглавлявшие «монашеские» пятерки, тоже стояли рядом, ожидая распоряжений. А с ними Лохмотыш, руководивший пятеркой нищих, и Наян. Эти появились на подворье вечером, вызванные по моему распоряжению Багульником. Однако я прибыл

из старых казарм слишком поздно, да и ситуация изменилась, поэтому потолковать с ними не получилось. Зато сейчас они пригодятся.

— Ты, — ткнул я пальцем в Обетника. — Отправь свою пару в Малую Бронную слободу. Там взять лошадей и пулей в Кологрив. Ксению Борисовну оставить в деревеньке под охраной полусотни, а Федор мне нужен здесь со всеми гвардейцами. А ты, Догад, посылай своих к стрелецким головам. Одного в Сретенскую слободу, второго в Замоскворечье.

— И чего сказать?

Я чуть помешкал, но, подумав, решил, что теперь скрывать свои знания ни к чему. Пусть считают, будто у князя возникла гениальная догадка.

— Бояре царя убить хотят, — выдал я.

— Царя?! Убить?! — почти в один голос выпалили все четверо.

А на лицах такой панический ужас, что я решил срочно переиначить. К черту ссылки на «гениальную догадку». Лучше поступим по-другому.

— Бояре. Царя. Убить, — твердо повторил я, пояснив: — Если государь, прислушавшись к боярским наветам, решит меня арестовать, то, прийти мне на выручку или нет, стрельцы еще подумают. Зато услышав такое о царе, они живо ринутся сюда.

— Так ведь за обман, когда он выяснится, может и не поздоровиться, — неуверенно начал Догад.

— Никакого обмана, — возразил я. — Откуда мне знать, для чего они вломились в Кремль? Вот я и решил, что такой толпой куда сподручнее не челобитную подавать, а бунт учинять. Особенно когда у каждого второго в руке пишаль.

— Тогда, может, лучше мне самому с такой весточкой отправиться? — предложил Обетник. — Ну-у для надежности.

— И к стрелецким головам лучше мне самому пробраться, — встрял Догад.

— Нет, — отрезал я. — Неизвестно, как оно обернется. Успеете пригодиться. — И я неспешно направился к остальным ратникам.

Часть их уже стояла во дворе, ежесекундно пополняясь чуть припозднившимися. Новость о том, что государь может приказать арестовать меня за вчерашнее побоище, восприняли с пониманием. Что я не собираюсь сдаваться в плен — тоже. Даже с воодушевлением. Общее мнение выразил сотник спецназа Вяха Засад:

— Покамест государь разберется в твоей невинности, бояре твои косточки давно обгложут. А мы за тебя, княже, стоим накрепко, не сумлевайся.

Я в общем-то и «не сумлевался», но лишний раз услышать такое все равно приятно. Вдохновляет, знаете ли, на новые свершения и подвиги. К тому же государь навряд ли разберется — покойников людские дразги не волнуют. Ну а после гибели Дмитрия все окажется в точности как у моего любимого Филатова в «Сказе про Федота-стрельца, удалого молодца»: «Осерчал Федот, созвал честной народ...»

Но дальнейшие события пошли наперекосяк. Вначале выяснилось, что посланные Обетником и Догадом монахи, не пройдя и десятка метров, оказались схвачены какими-то вооруженными людьми. Об этом мне доложил прибежавший караульный, видевший все собственными глазами. Правда, их не били — чай, иноки, — но и обратно на подворье не отпустили, а повели в Чудов монастырь. Получалось, мятежники позаботились об изоляции моего подворья.

Взлетев на вышку, я внимательно оглядел окрестности. Так и есть — все вокруг оцеплено. Людей хоть и мало, с полсотни, но зато на обеих улицах, ни пройти, ни выйти. Значит, мы блокированы. Станным показалось одно — почему бунтовщики оставили мало людей. Догадался я через минуту: на всякий случай. Бояре, по всей видимости, твердо убеждены, что здесь, кроме слуг, никого, а самого князя Мак-Альпина и его гвардейцев со вчерашнего вечера нет в живых. Выходит, не зря я послал Каравая — одного из тех, кто пытался убить меня и Годунова, — с ложным сообщением в Москву. Риск, конечно, имелся, но, учитывая оставленного у меня в заложниках родного брата гонца Горбушку, небольшой.

С одной стороны, эта блокада усложняла мои планы. Предстояло не просто прорвать ее, но и проделать это незаметно, дабы никто не смог предупредить мятежников, находящихся в Кремле, о выжившем князе Мак-Альпине. Зато, с другой стороны, у меня появлялось великолепное оправдание не спешить на выручку Дмитрию. Но вначале требовалось подумать, как быть с гонцами. Подкрепление требовалось позарез. Признаться, никак не ожидал такого количества врагов. И ведь караульный посчитал лишь тех, кто пробежал мимо моего подворья, а от Фроловских ворот к царским палатам есть и другая дорожка, да от Константино-Еленинских третья. Выходит, всего их как минимум тысяча, а то и полторы-две. Многовато.

И как быть? Открыть неприметную калитку, ведущую на прямую на подворье Троицкого монастыря? На нем вроде бы никого не видно, и, скорее всего, с этой стороны путь свободен. Но куда им уходить дальше? Через ближние к нам (всего-то полсотни метров) Знаменские ворота¹ навряд ли получится, да и через остальные, ведущие к Пожару, тоже. Разве попробовать обходной путь через весь Кремль, например, к Портонным воротам? Там-то есть шанс. Но в любом случае надо посылать самых изворотливых — Обетника, Наяна, Догада и Лохмотыша.

— А вот теперь в бой идут одни старики, — сообщил я им. — Слушайте внимательно, что вы должны передать стрельцким головам...

Двоим — Обетнику и Наяну — я велел затаиться на Троицком подворье и выжидать не меньше получаса. Вторая пара — Лохмотыш и Догад — проскользнула незамеченными, и на выходе из подворья их никто не остановил. Отлично. Теперь осталось дожидаться новостей от Дубца. Пока же я распорядился, чтоб каждый десятник распределил цели среди своих бойцов, и снова полез на вышку. Правда, как ни пытался разглядеть происходящее у Красного крыльца, не удалось. Видимость прочно загороживали звонница Ивана Великого и купола Успенского собора. И попенять некому — сам велел Багульнику установить ее в таком месте, откуда открывается наилучший обзор одновременно Никольских и Троицких ворот, которые ныне из-за метели разглядеть тоже не получалось.

В это время за звонницей грохнул одиночный выстрел из пищали. Та-ак, то ли подсуетился кто-то из царских телохранителей, то ли заговорщики перешли к решительным действиям. И скорее всего, второе — не верилось, что немчура станет драться до последнего.

Людской гомон тем временем усилился, перейдя в торжествующий, но ненадолго. Почти сразу он сошел на нет. «Значит, ребята вломились внутрь», — сделал я вывод. Но спешить не стоило. Если у Дмитрия получится затаиться в укромном местечке, отыскать его в хитросплетении галереек, каморок и комнатушек — задача не из легких. Даже в моем тереме при игре в прятки ищущему придется несладко, а он-то у меня куда меньше царских хором.

---

¹ Ныне Троицкие ворота.

Ждать и догонять — хуже некуда. А тут еще и кошки на душе заскребли. Ведь чего я жду? Момента, когда убьют Дмитрия. Ну да, тем самым я вроде бы спасаю Русь от его идиотских задумок, которые при попытке их осуществления обильно заливают всю страну кровью. Но кто знает, если бы я попытался переубедить его, возможно, у меня бы это получилось. Вчера у меня не было для этого времени, но впоследствии... Не дурак же он, в самом деле! Да и логику понимает хорошо, проверено, и не раз. И потому, когда я, оглядывая в подозрительную трубу окрестности, увидел его живым и невредимым, у меня на душе отлегло.

Нет, в самый первый миг я лишь таращил глаза, недоуменно глядя на три фигурки, украдкой пробирающиеся между подворьем патриарха и Успенским собором, одна из которых... Ну точно, Дмитрий, а рядом с ним невесть откуда взявшийся казачий атаман Андрей Корела, и чуть впереди... Так и есть, мой стремненной. Вот тебе и здрасте! И крадутся они, ежесекундно оглядываясь на Красное крыльцо, оставшееся у них далеко справа, именно в сторону моего подворья, поскольку ворота патриаршего они миновали. А вон Дубец уже поднял руку, сигнализируя караульному, ну и мне заодно. Вовремя. Замешкайся он на минуту, и их троицу непременно увидел бы кто-то из ратных холопов, выставленных боярами в оцепление подле Успенского собора. Вон они стоят. Двое прижались спиной к стене, третий выглядывает из-за угла, а чуть поодаль, у звонницы, еще парочка. Ну и с пяток, наверное, не меньше, которых мне отсюда не видно.

В следующую секунду я отдал команду караульному:

— Срочно вниз и передай, что князь распорядился сделать залп по всему боярскому оцеплению, выставленному у Успенского собора и звонницы Ивана Великого. А сразу после залпа пусть делают вылазку и... спасают государя.

Тот вытаращил на меня непонимающие глаза, поскольку без подозрительной трубы разглядеть, кто именно торопится в нашу сторону, не мог — метель не утихала. Но переспрашивать не стал, опрометью метнувшись вниз.

Увы, но одними арбалетами обойтись не удалось. Кое-кого, да что там, добрую половину, не меньше, мои люди не заметили, и уцелевшие холопы из оцепления принялись нахально палить в ответ. Выстрелов было немного, всего-то пять или шесть, но и их хватило, поскольку кто-то недолго думая бабахнул не в сторону моего подворья, а в Дмитрия.

И попал...

Глава 3

ВСЕ МЕНЯЕТСЯ

По счастью, ранение государя оказалось легким — задели предплечье, да и то по касательной, — и, пока его перевязывали, я узнал от Корелы и Дубца кое-какие подробности царского спасения. Признаться, слушал краем уха, но основное уловил.

Оказывается, началось с казачьего атамана. В свое время он здорово командовал своими людьми, успешно защищая Кромы от многотысячного царского войска, за что Дмитрий, сев на трон, осыпал его серебром, и Андрей Корела, не зная, чем заняться, ударился в большущий загул, упавивая своих собутыльников чуть ли не вусмерть.

На кружечном дворе (так здесь именовали кабаки) несколькими днями ранее все и началось. Когда атаман, по своему обыкновению, уснул там, где и пил, то есть на лавке в одном из кружал, за соседний стол подседа парочка заговорщиков из числа рядовых. Корелу они не приметили, да и немудрено — росточку в нем, как говорится, метр с кепкой. Кроме того, есть у него две особенности. Даже будучи пьяным, атаман совершенно не храпит. Вторая же заключалась в том, что для передышки между выпивками ему требуется всего ничего, полчаса — час. Начала их беседы Корела не слышал — спал. Но ему вполне хватило середины и концовки, ибо они говорили хотя и намеками, не впрямую, но достаточно откровенно, и Андрей заподозрил неладное.

К Дмитрию со своей новостью он не пошел, ведь из их разговора следовало, что государь-то и есть главный подстрекатель, умышляющий на жизнь Федора Годунова и решивший его извести руками князя Мак-Альпина. На Годунова Кореле было наплевать, но дальше речь зашла, что надо порешить князя, а это совсем иное — ко мне он питал симпатию. Понравился я ему в Путивле своей простотой в общении. Да и мое ратное искусство во время дуэли с паном Свинкой ему тоже запомнилось. А уж когда мы с ним под Серпуховом лихо опрокинули по пять чарок, да еще за рекордно короткое время и с такими тостами, коих ему ранее слышать не доводилось, он и вовсе оказался очарованным.

Уже будучи в Москве, он как-то раз, когда мы с ним выпивали (забрел Андрей ко мне в гости от нечего делать, и пришлось выставить угощение), сам откровенно сознался, что среди всего боярского сброда уважает лишь одного меня. За

что? Да за преданность Годунову, которого я не бросил на произвол судьбы в критический момент и неизменно продолжал хранить ему верность. Но тогда как Дмитрий Иоаннович сумел меня уговорить на предательство?

Словом, решив для начала прояснить все вопросы до конца, Корела, когда заговорщики разошлись, крадучись направился следом за одним из них. Тот подался на подворье к Голицыну. Памятуя о стойкой ненависти ко мне Василия Васильевича (да и немудрено, ведь именно я прошлым летом организовал расправу народа над боярином, тот только чудом остался жив), атаман окончательно зашел в своих размышлениях в тупик. Малость покумекав, он, желая разрешить загадку, решил поступить по-простому: улучшить удобный момент и припереть незадачливого болтуна к стенке.

Дежурство Корелы у подворья Голицына длилось два дня, но ратник не появился. Зато атаман подметил кое-что иное. Например, как оттуда вчера поутру выехал многочисленный, не меньше полусотни, вооруженный отряд, направившийся куда-то из Москвы. А вечером, спустя час после того, как там появился прискакавший невесть откуда заполошный гонец (по всей видимости, это был посланный мною Каравай), на подворье началось оживление. Тогда-то наконец оттуда выехал и поджидаемый атаманом ратник, в компании с двумя другими. Некоторое время они ехали вместе, а потом разделились. Куда направились двое остальных, Корела не видел — не разорваться же ему, — а его знакомец повернул коня к младшему из братьев Шуйских. Андрей не мешал ему, но на обратном пути, успев выломать откуда-то из забора увесистую жердину, не мудрствуя лукаво ахнул всадника по хребту, а свалив его, потолковал по-свойски и выяснил то, что должно произойти утром.

Однако в Кремль идти было поздно — ворота закрыты, и навряд ли стрельцы его пустят. Кроме того, ратный холоп, назвавшийся Авдеем, слукавил, сообщив атаману неверные сведения о времени выступления — через два дня. Решив, что можно не спешить, Корела поплелся спать. Зато сегодня поутру, услышав набатный колокольный звон, он мгновенно смекнул о своей ошибке и ринулся к Кремлю.

К Никольским воротам он подоспел раньше заговорщиков. Стрельцы пропустили его беспрепятственно, и он что есть мочи припустил к Красному крыльцу. Маленький, кривоногий, но Корела каким-то чудом успел добраться до него раньше мятежников.

На его удачу, Басманов, ночевавший в ту ночь в царских палатах, как раз оказался на крыльце, недоумевая, к чему этот колокольный звон. Узнав от атамана о заговоре, Петр Федорович метнулся к Дмитрию с сообщением об измене. Государь поначалу не поверил, что ситуация не просто плоха, а чуть ли не безнадежна. Эти минуты промедления и оказались роковыми — заговорщики добрались до Красного крыльца, плотно обступив его — не скрыться. И тогда Басманов предложил государю вместе с Корелой добраться до стрельцов, охраняющих Кремль, а он сам тем временем станет тянуть время и заговаривать мятежникам зубы. На том и порешили.

Уходил Дмитрий по настоянию атамана через передний царский двор, куда некогда через арку Сретенского собора проник и я, спасая семью Годуновых. Отчего-то именуемый передним, двор оказался до умиления тих и безлюден, лишь издали слышались голоса. Один — басовитый, увещевающий — явно принадлежал Басманову, а прочие, то и дело зло перебивавшие его, бунтовщикам. Затем раздался выстрел из пищали, и больше Петра Федоровича государь не слышал.

Дмитрий с Корелой мрачно переглянулись и заспешили прочь, но, дойдя до забора, огораживающего двор, в растерянности остановились.

— Ну и что теперь? — осведомился Дмитрий, оглядывая непреодолимое препятствие и зло косясь на Корелу, словно тот собственноручно его воздвиг. — Эвон какой тын. Нешто такой перемахнешь? Кошку бы какую с веревкой, чтоб за верх уцепиться, а с голыми руками его нипочем не одолеть.

Но тут вверху мелькнула в воздухе черная тень, и в следующую секунду оба они растерянно взирали на спикировавшего через тын Дубца.

Мой стремленной поначалу смешался с заговорщиками, стоящими в последних рядах. Однако, наблюдая за происходящим, он быстро скумекал, что дело худо, и ринулся обратно к моему подворью. Почти дойдя до Успенского собора, он слышал голос вышедшего на крыльцо Басманова и остановился поглядеть, как пойдет дело дальше. Расправа с Петром Федоровичем, в которого кто-то из первых рядов в упор выстрелил из пищали, изменила ход его рассуждений. Судя по сноровке и торопливости, с которой действовали мятежники, стало ясно, что князь Мак-Альпин навряд ли успеет прийти на помощь. И тогда он, вспомнив путь, которым полгода назад я с ним и еще двумя десятками ночью пробрался в опочивальню Дмитрия, решил поступить точно так же.

Неуклюже приземлившись в сугробе, Дубец сноровисто выбрался из него и отрывисто выпалил:

— Беда, государь. Басманова-то того, порешили. Да столь скоро, и слушать ничего не пожелали, что, сдается, и с тобой речей вести не станут. Надобно бы тебе на подворье к моему князю. У него отсидишься, покамест стрельцы не подспеют.

Дмитрий радостно вспыхнул, но уныло покосился на забор и снова скис.

— Надо, токмо как? Это тебя князь летать выучил, а мне...

— Ништо, — бодро заверил его Дубец. — Счас подсобим.

Они с Корелой, держа Дмитрия на руках, вдвоем ухитрились забросить его, чтобы он уцепился за край тына. По счастью, бревна, вставленные в пазы столбов, располагались параллельно земле, и худо-бедно точки опоры для ног имелись. Вторым, стоя на руках стремennого, с прыжка уцепился за верхний край забора атаман. Третьим, быстренько вырвав оглоблю из телеги и использовав ее в качестве шеста, перелетел сам Дубец.

Оказавшись в пустынном проулке, мой стремennой первым делом критически оглядел царя, оценивая его гусарский парчовый полукафтан и красный бархатный доломан, и, скинув с себя зипунок, протянул его Дмитрию.

— На-ка тебе, государь, одежду, а то твоя больно видная. — И, дождавшись, пока тот напялит его на себя, скомандовал: — Ну а теперь за мной.

Зипунок-то и сыграл роковую роль. Зипунок и неумение государя держать язык за зубами. Из-за последнего на них обратили внимание, но в нарядно одетого, как знать, холопы палить бы поостереглись, а тут стреляли без разбору. Хорошо, угодили вскользь, ранение оказалось легким, однако кровавым, — наверное, пуля разорвала какую-то вену. Во время вылазки не до того, и, пока добрались до моего подворья и наложили тугую повязку, крови государь успел потерять изрядно. Хотя по его виду и не скажешь: бодр и... весел.

Последнему в немалой степени поспособствовала чаша красного вина, которую я ему поднес для поддержания сил. Да и изменившаяся ситуация вселяла в него боевой азарт — было-то из рук вон плохо, а сейчас вроде как ничего, и главные беды, по его мнению, остались позади. Вдобавок он пылал жаждой мщения, настаивая на немедленной атаке. Особенно его возмущала подлость помилованного им Шуйского.

— Да что ему от меня ныне-то надо?! Из ссылки воротил, вотчины обратно возвернул, тысяцким на своей свадьбе сделал, чего еще-то?! — вопил он.

— Ему надо от тебя все, что у тебя есть, — хладнокровно пояснил я. — Кажется, я тебя предупреждал: опасайся тех, кого простил, ибо великодушные тебе обязательно припомнят.

— Нет уж, — криво ухмыльнулся он. — Теперь моя очередь припоминать. А Мишку-иуду не на плаху — на кол посажу.

— Мишку? — недоуменно нахмурился я.

— Скопина-Шуйского, — пояснил он. — Я ему титулу великого мечника даровал, а он...

— Что он?

— Ныне хватился, ан меча-то моего и нет! — с новой силой завопил Дмитрий. — То-то он вчерась допоздна в жмурки с нами игрался. И сам утек, паскуда, и меч мой прихватил. А ведь три дня назад чуть ли не в рот мне заглядывал, каждое слово на лету ловил. Ну, каково?!

— И об этом у нас с тобой разговор был, государь, — равнодушно пожал плечами я. — Обычно в рот для того и заглядывают, чтобы прикинуть, как поудобнее дать в зубы.

— А я, признаться, мыслил, будто опаска Басманова ложна. Ан поди ж ты... — грустно махнул он рукой.

— Опасения всегда сбываются намного чаще, чем надежды, — хмыкнул я.

— Чаще, говоришь? — Лицо Дмитрия скривилось в злобой ухмылке. — Ну я так думаю, что и у бояр на сей раз вместо надежд сбудутся именно они. — И неожиданно набросился на меня: — А чего мы здесь до сих пор топчемся?! Давай, князь, командуй своими людишками. Давно пора.

Я послушно кивнул, но остался стоять на месте. Командиры есть, руководят толково — и Сенька Груздь, и Вяха Засад. Если я появлюсь и внесу излишнюю сумятицу, окажется не лучше, а хуже. Точно так же я кивал, на самом деле ничего не предпринимая, и когда государь вторично потребовал от меня более энергичных действий. К тому же за то время, пока мы перевязывали Дмитрия, количество «бляжьих детей» (самый деликатный из эпитетов, отпущенных царем в адрес заговорщиков) выросло раз в пять и продолжало увеличиваться. Причина проста — мятежники, привлеченные выстрелами, скорее всего успели вычислить, где находится сбежавший из своих палат государь, а потому ринулись к моему подворью.

Ну и куда тут лезть на рожон? Одно дело — отбиваться из-за высокого забора, время от времени постреливая и подкиды-

вая боярским ратным холопам для полноты ощущений и охлаждения разгоряченных чувств гранату. Совсем иное — распахнуть ворота настежь и рвануть в наступление, где после первого залпа моих гвардейцев из арбалетов и второго — из пищалей решающим критерием окажется численность, которая, увы, далеко не в нашу пользу. Куда проще ждать подмоги, если... она придет вообще, ведь неизвестно, прошли мои тайные сквозь заслоны и удалось ли им добраться до стрелецких голов.

— На конях мы их вмиг рассеем! — орал на меня Дмитрий. — Не трусь, князь!

— Слишком мало их тут у меня, — возражал я. — Всего-то десяток, а остальные на Конюшенном дворе.

— Да нам с Корелой токмо двух и надо, — не унимался он, но осекся и, виновато покосившись на меня, поправился: — То есть трех.

Ах какой молодец! Значит, драпать удумал. А я и мои люди побоку, и что с нами станется — тоже. Хотя нет, в последний момент для хозяина подворья исключение сделано: ладно, возьмем. И на том спасибо.

— Ты не думай, — сконфуженно промямлил Дмитрий. — Я ж ненадолго. За стрельцами и обратно. — И вопросительно уставился на меня.

А может, и впрямь дать коней? Далеко им не уйти, и все вопросы окажутся решенными так, как надо. Но я отогнал коварную мыслишку прочь. Коль уж так вышло, придется защищать его безо всякого лукавства.

— Не дам я тебе коня, — ответил я. — Ты на нем больше двух десятков сажений не проедешь — слишком крупная мишень. В такую любой дурак попадет, и тогда...

Он нахмурился, очевидно представив последствия, но, не желая сдаваться, проворчал:

— Стой тут заместо меня ученичок твой, ты бы инако себя вел и мешкать не стал.

— А вот тут ты и прав и неправ, государь, — усмехнулся я, пояснив: — Не скрою, вел бы я себя действительно иначе, но разница лишь в том, что мешкал и осторожничал еще больше.

Однако погода переменилась, и, увы, не в лучшую для нас сторону. Метель, словно по заказу мятежников, утихла, чем атакующие попытались воспользоваться. Все чаще и чаще в бревна моего терема впивались горящие стрелы. Гасить их нечего было и думать. Из окон второго и третьего этажей не высунуться — пристрелят в два счета, а с земли не достать, хотя

мои люди и пытались, всю орудия кошками. Но на каждую стрелу, которую удавалось сорвать со стены, приходилось по три-четыре новых. Пламя постепенно разгоралось, пускай и медленно, отдельные робкие очажки огня начинали сливаться, грозя вот-вот запылать с неистовой силой.

Впрочем, почему вот-вот? Скорее *уже*, ибо ближайший к Чудову монастырю угол терема оказался наполовину объятым пламенем. Смежные с ним стороны горели слабее, но ведь горели. А помимо терема занялся и амбар с припасами, и прочие строения. Исключение одно — конюшня, расположенная в глубине двора, но толку с того. Отсидеться в ней нечего и думать. И до того момента, когда мы окажемся в огненном кольце, остается совсем недолго, от силы час. Получалось, отсидеться и впрямь не выйдет.

Когда я, выслушав доклады своих людей, сообщивших о положении дел, известил Дмитрия о решении идти на прорыв, тот возликовал.

— А я упреждал тебя! — торжествующе взвыл он. — Ну и куда мыслишь податься?

— Вначале попробуем в сторону Запасного дворца. Там у меня еще полсотни ратников, — твердо ответил я, быстро прикинув складывающуюся ситуацию. — Соединимся — и на Конюшенный двор, а от него и до Боровицких ворот рукой подать.

— Мои палаты куда ближе! — возмутился Дмитрий.

— Сейчас гораздо важнее вырваться из Кремля, — пояснил я.

— Все равно далеко. Тогда лучше к Знаменским воротам — они эвон где, под боком, а уж когда доберемся до стрельцов, я первым делом... — И он мрачно засопел, сжимая кулаки.

Вообще-то резон в его словах имелся, но мне припомнились кое-какие эпизоды из биографий большинства стрелецких командиров. Дело в том, что я в свое время интересовался их, так сказать, анкетными данными и наткнулся на одну любопытную детальку. Вроде бы ратный путь у всех разный, но у многих присутствовал один общий нюанс — в свое время они были за приставами, то бишь надзирали и конвоировали в ссылки опальных бояр. Да не простых, а самых именитых. Иван Юрьевич Смирной-Маматов караулил Василия и Ивана Романовых, а до этого за ними надзирал Иван Некрасов, бывший тогда стрелецким сотником, а ныне тоже ставший головой. Донесения Богдана Воейкова, бдевшего за Филаретом, в миру Федором Никитичем Романовым, мне в свое время давал читать старший Годунов. Это третий из командиров. Еще

двое присматривали за князьями Черкасскими. Василий Хлопов за князем Иваном, а Давыд Жеребцов за сосланными на Белоозеро его женой и прочими Романовыми, включая детей Филарета.

Ничего не скажешь, умел подстраховаться покойный государь. Такие, услышав боярские рассказы об убийстве мною младшего Годунова, из мести за престололюбостителя могут меня и на клочки порвать, ничего не дав объяснить. А если и уцелею, то доказывать обратное и мне и Дмитрию придется долго. Пожалуй, слишком долго. И пока они будут колебаться, заговорщики, улучив момент, жажнут по нам в упор, и всего делов. Однако вслух говорить ничего не стал, пояснив свой отказ иначе:

— Туда не добраться, увязнем. Во-первых, бояре тоже рассчитывают, что мы, скорее всего, пойдем к Знаменским. Да и забор у меня с той стороны деревянный, поэтому атакующих возле него собралось намного больше. Кроме того, стоит нам выйти и завязать перестрелку, как им на помощь ринутся те, кто пока осаждают подворье Семена Никитича Годунова, которое ты отдал под проживание своему тестю Мнишку.

— Тогда давай к Тайницкой, — выдал новую идею Дмитрий. — Там и к реке тайный ход есть, и подземный проход через весь Кремль. А он не токмо до Никольской башни тянется, но и далее, ажно чрез Алевизовский ров и Пожар на Никольскую улицу.

— Славная мысль, — одобрил я. — Но пока загадывать не станем. Поначалу давай доберемся до Благовещенского собора, а там увидим, куда уходить дальше: то ли направо, к Запасному дворцу и на Конюшенный двор, то ли прямо к Тайницкой.

— Быть по сему, — согласился Дмитрий. — Но решать буду я, а потому и твоими людишками распоряжаться стану сам. — И он, чувствуя мои возможные возражения, привстав, несмотря на внушительные каблуки сапог, на цыпочки, грозно добавил: — И не перечь!

Я оценивающе посмотрел на него, представил, сколько моих людей погибнет, выполняя приказы этого азартного неумехи, уже сейчас рвущегося в атаку невзирая ни на что, и решил. Он открыл было рот, желая отдать первую команду, но не успел.

— Остановись, государь, — твердо сказал я. — Они — мои люди, и распоряжаться ими я никому не позволю.

— Ты в своем уме, князь?! — опешив, уставился он на меня. — Али под шумок тоже из повиновения решился выйти?

— А я и не входил, — парировал я. — Если ты помнишь, меня наняла на службу королева Ливонии Мария Владимировна, и я тебе пока не подчиняюсь. Да и сюда в Москву я прибыл в числе ее посольства, а они, — кивнул я в сторону гвардейцев, — меня сопровождают. Потому будет по-моему. — Но по возможности смягчил свой отказ: — Да и не знаешь ты, как правильно ими командовать.

— А может, проще? — криво ухмыльнулся он. — Можя, и ты втайне на их сторону решил встать? — кивнул он на ревущих за воротами заговорщиков. — То-то я гляжу, ты вчера меня ни о чем не упредил.

— Ты в жмурки игрался, — напомнил я. — Да еще сказал мне, будто сам знаешь. А до того и Басманов подтвердил, что ему обо всем известно. Про день выступления мне и вовсе невдомек было. Но если бы я втайне за них стоял, тебя бы давно связанным выдал. Или подождал, когда ты из-за Успенского собора выйдешь, а там тебя бы и схватили. Убедил?

— Ладно, о том опосля потолкуем, — отмахнулся Дмитрий и недовольно отступил в сторону, буркнув: — Командуй людьми... королевы... герцог Эстляндский.

Ох, чувствую, боком мне мое упрямство выйдет. Не зря он помянул мой новый титул, ох не зря. Плакало мое боярство. Ну и пес с ним, зато ребят уберегу. Не всех, конечно, как получится. А боярство? Да к черту его! И очень хорошо, что не получу. Заседать в Думе? Увольте. Да я на первом же заседании гикнусь от теплового удара. Это Мстиславскому и прочим привычно таскать на себе зипун, кафтан, охабень, а поверх них еще и две шубы, а на мой взгляд, в царских палатах и в нормальной одежде парилка — слишком старательно их протапливают. Опять же и вставать надо ни свет ни заря, а мне такой распорядок — нож острый, сова я по натуре.

Наскоро утешившись этим, я остановил своего сотника, выскочившего из-за угла терема с пятью гвардейцами и опрометью летевшего к дровяному флигельку, и осведомился у него, сколько у нас осталось гранат.

— Пяток, — выпалил Груздь, пояснив: — Я их на крайний случай у себя оставил.

— Молодец, — похвалил я.

— Токмо нам тут не... — Он смущенно замялся, не став ничего предлагать, но выразительно кивнув на горящий терем.

— Вижу, — кивнул я, распорядившись: — Готовь людей к отходу. Направление: проход между Успенским собором и звонницей Ивана Великого. Выходить будем через передние ворота. Фитили у пищалей запалить, арбалеты перезарядить. Конечная цель — Благовещенский собор. Когда минуем, скажу, куда дальше.

— С той стороны терема забор каменный, а чрез ворота всем враз не пройти, — напомнил Груздь.

— Не пройти, — согласился я, — но ничего страшного. Раздели людей на две полусотни. Одну отдашь мне. Порядок следующий. Твои люди метнут все пять гранат за ворота, после чего дают залп прямо через забор по уцелевшим. В это время моя полусотня открывает ворота, выбегает на улицу и занимает позицию у подворья, перегораживая мятежникам путь. Ты со своей второй, сделав залп, выбегаешь следом и ставишь людей в две линии ближе к Успенскому собору. Дистанцию держим друг от друга в пятнадцать — двадцать сажень. Далее все как обычно, то есть в точности как учили действовать при отступлении. Не забыл, как оно делается?

— Наука нехитрая, — хмуро кивнул тот.

— Тогда распределяй людей. Времени тебе два дробных часовца¹, посему поторопись. Но вначале сыщи мне Вяху и пришли вон к тому дровяному сарайчику, — кивнул я и остановил Багульника, велел ему тихонько провести всю дворню на Троицкое подворье да пояснить монахам, чтоб не поднимали лишнего шума.

Тот недовольно скривился, попросив для себя дозволения вернуться после выполнения моего поручения, но я остался неумолим, не желая «засвечивать» своего дворского. Слишком хороша голова у парня, чтоб ею рисковать. Не зря я выбрал его главным координатором действий моих тайных спецназовцев.

— Звал, кня... — Опрометью влетевший в сарай командир сотни спецназа Вяха Засад осекся на полуслове, оторопев при виде раздетого Дмитрия. Рот его так и оставался открытым, пока он во все глаза тарачился на царя, стоящего в одном нижнем белье.

— Ну чего уставился? — буркнул я. — Государя голого не видел?

---

¹ Слова «минута» в то время на Руси не существовало. Час делили на шесть дробных часовцев. Они, в свою очередь, делились на десять часец, которые, по сути, и являлись минутами. То есть в данном случае речь идет о двадцати минутах.

— Не-э, — простодушно протянул Вяха, глуповато улыбаясь.

— Потом разглядишь, а пока подбери десяток самых шустрых спецназовцев и пришли сюда, — велел я, пояснив: — Они уйдут конно и наособицу, в другую сторону. И включи в этот десяток такого человечка, чтобы он ростом, цветом волос и осанкой немного напоминал Дмитрия.

— Да где ж я его?! — в изумлении всплеснул руками Вяха.

— Сказано же: немного, — повторил я. — Хотя бы издали. Остальные твои люди пойдут вместе с нами. Вооружение обычное, но пускай прихватят и особое снаряжение: кошки, веревки и прочее. Мало ли. Но запомни: оборона — дело мое и Груздя, а твое — прикрыть государя и... — Я оглянулся, но казачьего атамана не увидел.

Вяха догадался, кого я ищу, и торопливо пояснил:

— Мы ему пищаль дали. Теперь бегаёт по двору да стреляет почем зря.

— Вот их обоих и будете прикрывать, — кивнул я.

Десятку, которому предназначалось отвлечь мятежников, задачу ставил я сам, но вначале приказал Лихарю, отобранному Вяхой в качестве двойника Дмитрия, надеть одежду государя. Пока тот переодевался, я инструктировал остальных. Их задача заключалась в том, чтобы дожидаться нашего второго залпа, после чего открыть передние ворота и во весь опор мчаться через дорогу к Чудову монастырю, а там по обстановке. Если впереди, на пути к Никольским воротам, никого нет, то туда. Если есть, то в зависимости от количества врагов. Коли их окажется много, тогда через забор и в Чудов монастырь. Частокол у монахов дай боже, не меньше двух с половиной метров высотой, но, встав на седло, перемахнуть его нечего делать. Зато пока преследователи побегут в обход, весь десяток успеет спрятаться.

— Но тебе самому, — ткнул я пальцем в переодевающегося Лихаря, — через забор прыгать запрещаю. Будете ему помогать, — повернулся я к остальным. — Вдвоем ухватите его за ноги и подкинете вверх. Когда уцепится за край забора, дальше сам управится.

— Чай, я и без них сумею, — обиженно протянул тот.

— Да и время потеряем, — добавил их десятник Кострик.

— Нельзя, — отрезал я, — а то догадаются, что он не государь. — Я окинул спецназовца оценивающим взглядом, прикидывая, сработает ли подмена, и на всякий случай предупредил: — Да гляди, Лихарь, не вздумай оборачиваться в сторону

бояр. Вмиг распознают. И когда подле забора будете, — возникла у меня дополнительная идея, — крикните чего-нибудь эдакое, чтоб было понятно: подсаживаете самого Дмитрия Ивановича. Ну к примеру: «К матушке в келью беги, государь». А если к Никольским воротам направитесь, тоже на ходу кричите: «К Никольским, государь, к Никольским правь. Там стрельцы, они заступятся». Но тогда Лихарь должен быть впереди всех.

— А ежели взаправду, то куда нам бечь, опосля того как мы в Чудов попадем? — поинтересовался Кострик.

— Взаправду?.. — Я задумался. — Так у вас действительно один путь — к воротам. А к каким — сами разберетесь. Доберетесь до стрельцов, твердите одно: бояре государя убивают. Пока он жив, но нужно торопиться. Все понятно?

Те дружно закивали головами.

— Тогда седлайте коней...

Теперь осталось предупредить государя, чтобы он не вздумал лезть со своими командами, ибо хуже неумелого командира может быть лишь одно: когда их сразу двое. Помнится, это хорошо доказал еще Ганнибал на примере римских консулов. Я почесал в затылке, подыскивая слова повежливее, чтоб Дмитрий не обиделся, но в это время у задних ворот возникло подозрительное затишье. Не иначе как мятежники что-то задумали. Я направился туда, но вмешаться не успел...

Глава 4

ПОТЕРИ НЕБОЛЬШИЕ, НО...

Оказывается, Василий Шуйский, отрядив своих людей на подворье Владимирского Рождественского монастыря, благо что оно располагалось неподалеку от моего (тоже в Кремле, подле Никольских ворот), повелел доставить настоятеля этого монастыря архимандрита Исайю — царского духовника.

Поставив его перед нашей калиткой, мятежники отхлынули на внушительное расстояние, принявшись горланить, чтоб мы открыли ее и впустили «божьего человека». Увы, но я подоспел слишком поздно, когда гвардейцы, выполняя повеление Дмитрия, пропустили архимандрита внутрь. Вообще-то мудро придумал боярин. Вдруг Исае удастся уговорить царя добровольно сдаться.

«Час от часу не легче», — вздохнул я, увидев знакомую фигуру. Нет-нет, конкретно против самого отца Исаии я ничего

не имел. Скорее наоборот. Один из немногих священнослужителей, которого я искренне уважал. Чем-то напоминал он мне погибшего отца Антония. Возможно, взглядом. Царский духовник всегда смотрел на собеседника чуточку с грустинкой и эдак всепонимающе. С таким и впрямь хочется поделиться самым сокровенным и облегчить душу, ибо верится — все поймет, не осудит, да еще и слово утешительное найдет, поддержит.

Другое дело, что тут и сейчас он мне как пятое колесо в телеге. И опять-таки не потому, что тот действительно начнет уговаривать Дмитрия сдать. Это дела мирские, а в них отец Исая, насколько я знал, практически никогда не влезал, строго ограничиваясь духовными: спасение души, исповедь, отпущение грехов, утешительное слово, наставление и всякое такое. Вот и теперь он, коротко благословив на ходу всех гвардейцев и направившись к Дмитрию, не стал лезть ни с какими советами, а просто успокаивал разгоряченного царя. Но нам же вот-вот идти на прорыв, и куда его девать?! Хотел отправить обратно, хотя и рискованно — осаждающие могли изобрести какую-нибудь хитрость и попытаться ворваться, но архимандрит наотрез отказался.

— Невесть как оно тут сложится, княже, а потому, яко духовный наставник государя, в сей тяжкий час суровых испытаний должен быть подле него, — пояснил он. — Я ведь и сам в его палаты идти собирался. Когда за мной пришли, я уже в полном облачении был.

— Пуля — дура, она не разбирает, кто есть кто, — предупредил я.

— А я ее словом божьим, — слабо улыбнулся он. — Кто ведет, вдруг заботится да в сторону вильнет.

Ишь юморист! Нашел время для шуток.

— Хоть кольчугу под рясу поддень, — взмолился я. — Убью ведь!

— Ну так что с того, — пренебрежительно пожал плечами он. — За венцом мученическим не гонюсь, но господу виднее. Какая чаша мне уготована, ту и приму.

— Понятно, — кивнул я, чувствуя, что никакие уговоры не помогут.

Пришлось срочно вызывать Вяху, дабы он перераспределил своих людей. Тот оценивающе покосился на архимандрита и кисло скривился:

— Не поспеть ему за нами.

— Главное, чтоб твои люди поспевали вовремя взять его на ручки, если потребуется бежать, — парировал я. — Тяжело, конечно, но он без шубы, да и весит не столь много. Разрешения не спрашивать. Без лишних разговоров, молчком ухватили и понесли. Думаю, брыкаться не станет.

— А не грех?

— Грех, если не убережете, — пояснил я. — А спасать от смерти — дело богоугодное. Все, иди перераспределяй, да побыстрее.

Чертик из табакерки выскакивал не столь проворно, как мои гвардейцы из задних ворот, мгновенно выстраиваясь в две линии. Первая, примерно в три десятка, припала для удобства ведения стрельбы на одно колено, используя руку в качестве упора. Вторая линия за их спинами сноровисто устанавливала стволы пищалей на сошники бердышей.

Оставшиеся в подчинении Груздя спешно бежали в сторону Успенского собора. Большая их часть должна была метров через тридцать притормозить, развернуться лицом к погоне и образовать такие же две линии, как у меня. Меньшей части — десятку спецназовцев, охранявшему Дмитрия, отца Исаяю и Корелу, — предстояло держаться за их спинами. Самостоятельно бежать дальше, в проход между звонницей Ивана Великого и Успенским собором, рискованно. Вдруг возле царских палат остались мятежники. Нет уж, пусть постоят подле Груздя.

Мятежники в первые секунды атаковать не ринулись — помогло мое появление. Те из рядовых участников, кто не был посвящен в суть заговора, обалдели. Всего несколькими часами ранее им сообщили, что князь Мак-Альпин, убивший Федора Годунова, тоже погиб, а тут нате-здрате, жив-здоров и на покойника никаким боком. Замешкались и бояре, но ненадолго. Спohватившись, что добыча ускользает, они погнали своих ратных холопов в атаку.

— Первая линия, пли! — рывкнул я, когда особо ретивым и шустрым оставалось до нас три десятка метров, не больше.

Раздался дружный залп. Навряд ли хоть одна пуля оказалась истрачена впустую — в такой тесноте промахнуться невозможно. Атакующие ахнули, взревели — кто от боли, кто от ужаса — и отпрянули, вжимаясь в бревенчатые заборы по краям дороги, а то и просто рухнув в первый попавшийся сугроб и застыв в нем, не шевелясь и закрыв лицо руками.

— Вторая, товсь! — отдал я новый приказ.

— Ну же! Чего ждете?! — заорал на своих вояк Голицын. — Покамест у них ручницы разряжены, давайте дружно! Успеете! Зараза! У меня прямо руки зачесались снять его с лошади. Жаль, Дмитрий во всеуслышание заявил, что запрещает стрелять в бояр, мстительно упомянув об иной казни, которая их всех ждет опосля. Или все-таки эдак случайно всадить пулю? Я воровато оглянулся, прикидывая, заметит царь мое своевольство или нет. Кажется, смотрит на меня. Ладно, пускай поживет, гад.

Толпа меж тем загомонила, некоторые сделали пару робких шагов вперед, но дальше не пошли, остановились. Еще бы. Чай, не дураки и видят, что заряжают лишь гвардейцы первой линии, а вторая готова к стрельбе. Словом, призыв боярина пропал втуне. Зато Шуйский сообразил способ получше. Нет, ей-богу, когда на кону твоя собственная жизнь, изобретательным становится каждый. Прекрасно понимая, что теперь ему либо удастся прикончить Дмитрия, либо придется расстаться с белым светом, и скорее всего в мучениях, Василий Иванович нашелся:

— А у вас самих чаво, пищалей нетути?! С нами бог, он подсобит не промахнуться. Стреляйте в них, робяты, стреляйте. А кто в еного дьявола иноземного попадет, тому тыщу рублев жалую.

«Ого, — восхитился я, наслышанный о скупости Шуйского. — Ай да Мак-Альпин! Какого Плюшкина раскрутил. Значит, кое-чего стою». Но рисковать людьми не хотелось, и я, мельком глянув назад и убедившись, что большая часть гвардейцев в двух линиях Груздя, выстроившихся метрах в тридцати позади нас, перезарядила пищали, скомандовал:

— Огонь! — и сразу после залпа распорядился: — Все. Отходим. Следующий рубеж между стенами собора и звонницей.

Момент отступления был самым опасным. Преследовать навряд ли решатся, но кто может помешать палить нам в спины? И пусть они защищены полубайданами, бахтерцами, колонтарями, юшманами — словом, средневековыми бронежилетами, но в их надежность верилось плохо. Одно дело, когда пуля попадает в пластину юшмана с расстояния в триста метров, и совсем иное — с полусотни. Вдобавок почти все они короткие, до пояса, а многие и без рукавов, то есть ноги и руки вообще не защищены.

Однако обошлось. Помогла образовавшаяся густая дымовая завеса (да здравствует черный порох!) и возникшая сумя-

тица. Не зря же я приказал спецназовцам выскакивать за ворота именно после второго залпа. Едва мы устремились к линиям Груздя, как за спинами осажденных с моего подворья рванулись всадники. Судя по растерянным возгласам, бунташный народ оказался в ступоре: кого преследовать в первую голову? Словом, моя задумка оправдалась — кое-кто решил, что царь действительно среди конных беглецов, и спешно ринулся в погоню за ними, а остальные застыли в нерешительности.

Обольщаться не следовало. Через пару-тройку минут подмену распознают. А кроме того, я для верхушки мятежников столь же опасен, как и государь. Но хорошо хотя бы то, что по моей полусотне практически не стреляли вдогон, и мы преспокойно миновали выстроившуюся в две линии полусотню Груздя.

— Едва крикну, что готов, сразу делай второй залп и бегом на новые позиции, — предупредил я, чуть тормознувшись возле сотника.

Тот кивнул, а я устремился за остальными гвардейцами. Первые из добежавших до нового рубежа уже спешно растягивались в две линии.

«Ай молодцы! — мысленно одобрил я их. — Действуют на загляденье, словно на ученьях» — и гаркнул во всю глотку, чтобы слегка скинуть напряжение и добавить бодрости:

— Поспешай, робяты, а то щи с кашей на столах остывают!

Шутку мою поняли. Кто-то хмыкнул, а кто-то и улыбнулся, вспоминая старые казармы под Москвой. Именно там, чтобы не тратить уйму времени на специальную отработку этого сложного элемента отступления, я и ввел правило для всех сотников: возвращаться с занятий не просто так, но... отступая. И, повинувшись своим командирам, будущие гвардейцы не шли к столовой, а «отступали» к ней всю дорогу — разделившись на полусотни и перебежками, то и дело выстраиваясь в две линии и ошетилившись ручницами. И такие тренировки проводились каждый день.

Поначалу дело шло не ахти, и пришлось ввести для нерадивых наказание. Сотне, плохо исполнявшей этот маневр, отдавалась команда... перейти в наступление. То есть приходилось бежать «в атаку», по сути возвращаясь обратно, и начинать «отступление» заново. Тогда-то кое-кто из сотников и напоминал своим подчиненным про остывающие щи да кашу. Зато теперь этот элемент выполнялся всеми чуть ли не на ав-

томате, никакой толкотни, каждый четко знал свое место и быстро занимал его.

Но радовался я недолго... Увы, мои опасения насчет тыла оказались не напрасны. Из дворца для осады моего подворья действительно прибыли не все заговорщики. Дело в том, что сброд, имевшийся в распоряжении мятежников, в корне отличался от моих гвардейцев, не приученных к грабежу. Изрядное количество ратных холопов, едва вломившись в царские палаты, пользуясь случаем (когда еще подвернется такая шикарная возможность?!), принялись хапать все, что попадалось под руку, вплоть до нарядных тканей, коими были обшиты покои Марины Юрьевны, и даже... подушек с перинами. Особо жадные, не удовольствовавшись туго набитой пазухой, сноровисто соорудили узлы из содранных со стен тканей, в которые увязывали награбленное добро. И как они ни торопились, но грабеж — чересчур увлекательное занятие, и пока они этим занимались, то, вполне естественно, изрядно подзадержались.

Словом, когда Микита Голован услышал первый залп и, проникнув на передний царский двор, ринулся с него в палаты, ему было кого изгонять из них. И остатки мятежного сброда, ошалевшие, но, увы, пищали не бросившие, повывлетали из дворца как раз в то время, когда оборону в узком пространстве между стенами Успенского собора и звонницей Ивана Великого держала моя полусотня, а гвардейцы Грузды уже устремились к Благовещенскому собору. Да тут еще сам сотник, увидев знакомые лица гвардейцев Микиты Голована, радостно протянул:

— Наши подоспели! Ну теперь держись!

И Дмитрий, воодушевленный тем, что пришла подмога, а враг бежит, недолго думая крикнул гвардейцам Грузды:

— За мной! — и ринулся в атаку.

Был бы на его месте кто иной, мои ратники навряд ли его послушались. Но повелевал сам государь, и вновь сказалось мое отсутствие. Хотел сотник встрять и отменить его приказ, но не решился. Спецназовцы, назначенные в царскую охрану, тоже не ожидали от него такой прыти, а потому, метнувшись вслед за государем, дабы взять его в защитное кольцо, сделали это с небольшим запозданием и догнать его не успели. Да, подавляющее большинство мародеров ринулось наутек, не думая об обороне, но кое-кто успел выстрелить. Таковых оказалось немного, десятка два, но четыре пули угодили в цель. Взметнулся в отчаянном прыжке Корела, бывший подле царя,

чтоб закрыть его своим телом, но поздно — свинец угодил Дмитрию в грудь. Да и немудрено, бежал-то он впереди всех.

Когда я со своими людьми подоспел, трое моих гвардейцев и государь лежали на снегу. Едва глянув на него, я понял, что дело худо — на белой рубаше чуть повыше сердца зловеще расплывалось темно-багровое пятно. Приемлемый выход оставался один — немедленное отступление. Но куда — в царские палаты или в Запасной дворец? Не знаю, что бы я выбрал, но когда встал с колен и огляделся по сторонам, то заметил слегка приоткрывшуюся дверь Успенского собора и выглядывающее из-за нее бородатое лицо какого-то не в меру любопытного дьякона или священника. Я указал на нее и распорядился:

— Государя и прочих раненых на полушубки и в храм. Груздь, командуй. Вторая полусотня вместе со мной в атаку. Впере-од!

Иначе было нельзя, поскольку всем сразу не войти и у дверей храма неизбежно образовалась бы толкучка. Мы вновь метнулись в проход между собором и звонницей и всадили первый залп чуть ли не в разинутые глотки ошалевших преследователей, никак не ожидавших такого поворота событий. Толпа в панике отхлынула, огрызаясь разрозненными выстрелами, но особого урона они нам не нанесли, слегка зацепив двоих. Образовавшиеся полминуты мы использовали на всю катушку, успев перезарядить пищали, после чего половина гвардейцев, по моей команде дав второй залп, ринулась к дверям собора. Выждав минуту и бабахнув напоследок третий раз, следом отправилась оставшаяся часть полусотни. Особо смелым преследователям досталось по арбалетному болту.

Едва мы оказались внутри Успенского собора, я, бегло оглядевшись по сторонам, понял, что спонтанно выбранный мною вариант действительно самый лучший. Во-первых, храм чрезвычайно удобен для обороны. Оконца узенькие, не больно-то пролезешь, да и расположены они высоко. Залезть через них внутрь можно исключительно с лестницы. Закидать через них храм факелами? Но и тут радости для атакующих мало — почти все каменное, кроме икон и алтаря, гореть, по сути, нечему. Получалось, единственное уязвимое место — двери. Натаскать к ним побольше хвороста, запалить, а когда прогорит, протаранить — это куда ни шло. Но опять-таки дверей куда меньше, чем в палатах, и выглядят они не в пример крепче: тяжелые, дубовые.

Во-вторых, на моей стороне была психология. Одно дело — штурм дворца. Никаких вопросов, связанных с верой, не

возникает. А идти на приступ храма, да какого — одной из главных святынь Кремля, — многие призадумаются. Не вожаки, нет. Бояре-мятежники колебаться не станут. Чтобы уцелеть самим, у них один выход — убить Дмитрия. Ну и меня заодно, ибо слишком много знаю. Зато для рядовых дело иное. Следовательно, если их ратные холопы и станут выполнять приказы своих командиров, то нехотя, с изрядной долей боязни перед карой господней за подобное кощунство.

И в-третьих, пока мы дотащили бы царя до его палат, тем паче до Запасного дворца, первую помощь оказывать было бы некому...

Забаррикадивавшись изнутри и распорядившись расставить людей по всему периметру и по десятку на каждые двери, я подозвал Вяху и ткнул пальцем в окна:

— Сооруди из своих людей с каждой стороны по «пирамидке», да троих пошли наверх — пусть глядят, что творится подле кремлевских ворот, — и сунул ему в руки подзорную трубу.

— Ежели «пирамидки» ставить, боюсь, лики свалим, а то и того хуже, — возразил командир спецназовцев.

Я задумчиво посмотрел на иконы, густо усеивающие стены, в том числе и под окнами. Действительно, можем испачкать, и потом злые языки наговорят про мое войско, что оно действовало хуже, чем басурмане в храме Святой Софии после взятия Константинополя.

Пришлось искать отца Лазаря — протопопа и настоятеля этого собора. Тот буквально за минуту до нашего появления в храме закончил служить заутреню и послал одного из дьяконов поглядеть, что творится на улице. Сообщить дьякон не успел... При виде вооруженной толпы, ввалившейся в храм, отец Лазарь поначалу перепугался, решив, будто это ляхи, но, заслышав русскую речь, ободрился, хотя и ненадолго, ровно до того момента, пока не признал в лежащем на полу собора тяжело раненном человеке самого царя. Когда я его выдернул из толпы, окружившей Дмитрия, бледный протопоп, вытаращив глаза, смотрел, как мои гвардейцы бинтуют государя, не в силах поверить в творящееся кощунство.

Нежненько взяв отца Лазаря под локоток, я коротенько обрисовал ему сложившуюся ситуацию, изложив о возможных перспективах штурма собора, и попросил скоренько снимать иконы под окнами: вон тут, здесь, вон там и там, ибо мне нужно приставить к окнам наблюдателей, а потому лики святых, угодников и прочих мучеников могут пострадать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог. Тяжкий выбор</i>	5
<i>Глава 1. Перед переворотом</i>	8
<i>Глава 2. Незваные гости</i>	18
<i>Глава 3. Все меняется</i>	24
<i>Глава 4. Потери небольшие, но...</i>	35
<i>Глава 5. Царское завещание</i>	43
<i>Глава 6. Цена времени</i>	53
<i>Глава 7. Государей на рядовичей не меняю...</i>	63
<i>Глава 8. Те же и стрельцы</i>	76
<i>Глава 9. Первое столкновение, или Кто из ху</i>	85
<i>Глава 10. За короной в горящую избу...</i>	93
<i>Глава 11. Неожиданное помилование, или Старая схема на новый лад</i>	106
<i>Глава 12. Перед вторым раундом</i>	119
<i>Глава 13. Битва в Думе</i>	133
<i>Глава 14. Неугомонная</i>	142
<i>Глава 15. Двойной агент</i>	154
<i>Глава 16. Не мытьем, так катаньем</i>	164
<i>Глава 17. Случайная встреча, или С паршивой овцы...</i>	186
<i>Глава 18. Дети, кухня, церковь, наряды...</i>	199
<i>Глава 19. Не так страшен черт, как его малюют</i>	207
<i>Глава 20. Гарде королеве</i>	216
<i>Глава 21. Экономика должна быть экономной</i>	227
<i>Глава 22. Прощай, Штирлиц, или Несостоявшаяся сделка</i>	238
<i>Глава 23. Кнутом и пряником</i>	249
<i>Глава 24. Три сметы в одних руках</i>	258
<i>Глава 25. С поличным</i>	268
<i>Глава 26. Кавалерийский наскок</i>	278
<i>Глава 27. Второй полк и Первый банк</i>	288
<i>Глава 28. Павлина, которая Галчонок</i>	295

<i>Глава 29.</i> Операция без наркоза	305
<i>Глава 30.</i> Невеста для Годунова	319
<i>Глава 31.</i> К чему приводят молодецкие забавы	327
<i>Глава 32.</i> Иезуит	338
<i>Глава 33.</i> И снова в путь.	350
<i>Глава 34.</i> Псков	361
<i>Глава 35.</i> Вначале тренировка...	369
<i>Глава 36.</i> По старой схеме на новый лад	377
<i>Глава 37.</i> Пленные.	385
<i>Глава 38.</i> Колывань	401
<i>Глава 39.</i> Ведьма.	411
<i>Глава 40.</i> Пророчество.	418
<i>Глава 41.</i> Дорога обратно, или Путешествие с пиитом	429
<i>Эпilog.</i> Все начинается сначала, или Несколько знаков	436